

АЛИСА ЛУНИНА

НОВЫЙ ГОД ПО-РУССКИ

*Чудеса
сбываются!*

Алиса Лунина
Новый год по-русски
Серия «Новогодняя комедия»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22222744

Когда часы двенадцать бьют / Алиса Лунина: Издательство «Э»;

Москва; 2016

ISBN 978-5-699-92763-0

Аннотация

Накануне Нового года судьбы самых разных людей: известного телеведущего из Москвы, полярника с Крайнего Севера, учительницы с Урала, продавца лимузинов из Америки и попавшей в беду девочки из Екатеринбурга в результате невероятных жизненных обстоятельств и благодаря воле providения, – соединятся. Общее у этих столь разных героев только одно – надежда на Новый год и несокрушимая вера в то, что у русских в Новый год чудеса сбываются!» В праздничный сборник вошли повести «Новый год по-русски» и «Когда часы двенадцать бьют».

Сборник ранее издавался под названием «Когда часы двенадцать бьют».

Содержание

Когда часы двенадцать бьют	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	48
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алиса Лунина

Новый год по-русски

© Лунина А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Когда часы двенадцать бьют

Пролог

Декабрь заканчивался долгим, сказочным снегопадом. До Нового года оставалось несколько часов.

Аля стояла за кулисами театра и смотрела на сцену, где актеры играли последний в этом году спектакль. Скоро великолепная Ангелина – заслуженная артистка России Ангелина Ткаченко – выдаст завершающий монолог «на разрыв», потом юная актриса Женька Скочкина тоже скажет «свое слово», покоров зал искренностью и талантом, а в финале пойдут снег (согласно пьесе, снег в спектакле – важное действующее лицо), и все – спектакль закончится.

Аля вышла в коридор и поглядела в окно на крупный, прямо-таки постановочный – как в их спектакле – снег. О том, что ей делать, когда театр опустеет, и как встречать Новый год, Аля старалась не думать, хотя эти мысли то и дело лезли в голову. Скорее всего, попрощавшись с коллегами по театру и придя домой, она откроет бутылку шампанского и сама себя поздравит с наступающим Новым годом. Потом посидит в тишине и вспомнит все, что случилось с ней в уходящем году. Переберет в памяти все его двенадцать месяцев – горьких, сложных, полных испытаний, а все-таки – самых

счастливых в ее жизни...

Но это будет потом – до Нового года еще несколько часов.
И спектакль продолжается.

Глава 1

Двенадцать месяцев и три недели назад

Уже сильно хотелось снега – какая без него зима?! Уже декабрь, а снега и в помине нет, словно в небесной диспетчерской произошел какой-то сбой. Поэтому когда однажды утром, выглянув в окно, Аля увидела, что пошел снег, она прямо закричала от радости:

– Ура!

Ее муж Влад в это время пил крепкий утренний кофе и читал деловую газету, совершая свой обычный ритуал, перед тем как уйти на службу.

– Алевтина, что ты кричишь? – спросил он, на мгновение отвлекшись от газеты.

– Снег! – улыбнулась Аля.

Влад пожал плечами – ну снег, что в этом такого необычайного?! – и, озабоченно сказав «акции падают», опять уткнулся в газету. А Аля еще и так и этак крутилась у окна, рассматривая снег, даже окно приоткрыла.

– Закрой окно! – не поднимая головы от газеты, попросил Влад. – Дует!

Ладно, Аля закрыла окно. Она тоже налила себе кофе и села за стол рядом с мужем. Некоторое время она ждала, что он наконец обратит на нее внимание (все же неприятно видеть перед собой не лицо, а газету), потом не выдержала и

напомнила о себе:

– Влад, хочешь, покажу тебе мои новые винтажные вещички?

Он глянул поверх газеты и промычал:

– Может, потом?

Аля вздохнула и решила сделать еще одну попытку завязать разговор – она стала рассказывать мужу, как у нее идут дела с поиском работы: «Вчера в одном журнале я получила тестовое задание, и, если все будет хорошо, меня возьмут!», но Влад только раздраженно заметил, что вообще не понимает, зачем ей нужно работать: «Сидела бы дома, денег вроде хватает!»

Да, тех денег, что зарабатывает Влад – ведущий специалист по фондовым бумагам, – им и впрямь хватает. Дело в другом: с некоторых пор Але не хватает ощущения собственной значимости. Ей кажется, что она, Аля Серебрякова, тридцати лет от роду, художник-оформитель по образованию, теперь только «жена своего мужа» и живет исключительно жизнью Влада, состоит при нем: подать-принести, выгладить рубашки, выслушать последние экономические сводки. Кстати, Влада это полностью устраивает. Он сразу после свадьбы сказал ей, что не хочет, чтобы она работала. Аля последовала желанию мужа и стала домашней хозяйкой, но с некоторых пор ее это стало тяготить. Мысли о том, что она не смогла реализоваться в любимой профессии, не давали покоя, и Аля решила устроиться на работу.

И вот вчера, после месяца поисков, ей наконец попалась интересная вакансия. Но Влада это, конечно, не интересует — он так вцепился в газету, что, кажется, сейчас прямо проглотит ее вместо десерта. Влад вообще относится с неким снисхождением к ее специальности, не отказывая себе в удовольствии при случае подчеркнуть, что никаких особенных художественных талантов у Али нет.

Решив, что просто так сидеть, дожидаясь внимания мужа, уже даже унизительно, Аля взяла лежащий на столе женский журнал. Пролистав его, она остановилась на статье, в которой автор рассуждала о «мерцающей сексуальности» современных мужчин, дескать, мужчины нынче стали какие-то усталые и расслабленные, все-то им лень: не ходят в походы, не завоевывают царства, не добывают шкур мамонтов, не сражаются за женщин, а полеживают себе на диване с телевизионным пультом в руках.

Прочитав статью, Аля сочла, что в рассуждениях автора определенно есть какая-то правда. Ей вот тоже с некоторых пор кажется, что ее Влад... нет, не обленился, конечно, но сильно изменился. Когда они с ним встретились шесть лет назад, Влад был другим — заводным, увлеченным, ярким, тогда у него были мечты и цели, а теперь только планы в ежедневнике. Да и заводным и увлеченным его сейчас, увы, не назовешь. Нынче он увлечен разве что фондовым рынком. Але остается только вздыхать: куда исчез тот худой, взлохмаченный парень, в которого она когда-то влюбилась так, что

крышу снесло?! Да и сексуальность у Влада, как говорится в статье, хм... мерцающая. Мерцает раз в три месяца, а потом угасает, потому что Влад очень устает на работе (а когда акции падают, ему вообще не до секса).

Аля отложила журнал и, глядя на мужа, читающего деловую газету (ну правильно, а что ему еще читать, не поэзию же Серебряного века!), вздохнула. Она вдруг подумала: а что их связывает в последнее время?! И пришла к выводу, что они с Владом, в сущности, параллельные прямые, в смысле, что вообще не пересекаются. У них совершенно разные вкусы и интересы. К примеру, они любят разные заведения. Аля обожает зависнуть где-нибудь в кофейне с книжкой, а Влад предпочитает либо дорогие пафосные рестораны, где он проводит переговоры, либо пивные, в которых по выходным «отрывается с парнями». С его «парнями» Аля, кстати, не дружит – ее не допускают в сугубо мужской клуб. Кинематографические пристрастия у них с мужем тоже разные. Алино увлечение театром Влад не разделяет, а совместный поход на концерт классической музыки как-то едва не закончился разводом. Увидев, что Влад задремал на Рахманинове, Аля натурально схватила за голову – как можно задремать на такой музыке, когда она буквально пробуждает человека к жизни?! С тех пор на подобные концерты Аля мужа не приглашает.

Итак, досуг они проводят отдельно. А с некоторых пор и отпуск тоже. Два года назад Аля сказала, что мечтает по-

ехать в Европу, а Владу в то же время захотелось чего-то восточного, экзотического. В итоге, приняв во внимание, что отпуск у них один и хочется провести его ярко, каждый отправился по своему маршруту. В следующем году история повторилась. И с тех пор это стало «доброй семейной традицией». В прошлом году они и Новый год встречали отдельно: Аля – у своих родителей, Влад – в компании друзей.

– Этот Новый год мы тоже будем встречать по отдельности? – спросила Аля.

– Не знаю, я еще не думал об этом, – сказал Влад.

Ответ мужа Але не понравился. Ей вдруг нестерпимо захотелось взять и вырвать чертову газету из его рук. И она это сделала – шмяк, газета полетела на пол. Ох, как Влад удивился!

– Алевтина, ты что?!

Аля сморщилась, она не любит, когда ее называют Алевтиной (еще в детстве она выбрала милую, домашнюю «Алю», оставив «Алевтину» для различных учреждений).

– Что с тобой? – повторил Влад.

Аля расценила его вопрос как приглашение к разговору и честно сказала мужу о том, что ее смущает.

– В последнее время мы словно чужие... Отдыхаем раздельно и вообще перестали разговаривать друг с другом. Как думаешь, почему? Может, мы просто очень разные?

А Влад, вот удивительно, с готовностью, будто давно ждал этого разговора, сказал, что – да, конечно, они – разные люди

и при такой разности характеров и взглядов на жизнь даже не имеет смысла это обсуждать.

– Не имеет? – Аля пристально посмотрела на мужа. Ведь когда-то все, решительно все имело смысл: и цвет глаз Влада, и интонации его голоса – все, что имело отношение к нему и их любви. И вот через шесть лет семейной жизни они пришли к такому финалу.

– Ну, значит, и впрямь ничто не имеет смысла! – подытожила Аля. – Тогда зачем мы вместе?

– А ты предлагаешь разойтись?

Аля молчала.

– Хорошо, давай разведемся, я не против! – буднично сказал Влад.

Аля задохнулась от боли – может быть, сейчас все еще можно вернуть, дать им шанс, попробовать все сначала?! Только бы Влад показал глазами, голосом, что ему важны их отношения, что он не хочет ее потерять. Она с надеждой смотрела на мужа.

– Может, разойдемся после Нового года? Не будем портить праздники? – Вид у Влада был абсолютно невозмутимый.

И тогда Аля выдохнула:

– А зачем ждать? Раз уж решили – сделаем это сейчас!

– Ну давай! – с готовностью согласился Влад. А потом спокойно собрался и поехал на работу.

А вы говорите «мерцающая сексуальность»! Да современ-

ный мужчина вообще особенно ни о чем волноваться не станет.

* * *

– Обидно и больно – вся жизнь коту под хвост! – пожаловалась Аля сестре Насте, рассказав о своем разводе с мужем.

– А имущество как будете делить? – поинтересовалась практичная Настя.

– Да кто его знает! – пожала плечами Аля.

Как вскоре выяснилось, это знал адвокат Влада, позвонивший Але и предупредивший ее о том, что все имущество Влада записано на его родителей: квартира – на маму, дача – на папу, вот разве что машина...

«Разве что машина?!» – доброжелательно сказал Але Влад при встрече. Аля усмехнулась: «Да что ты... От души ведь отрываешь! Оставь себе!» И лицо Влада прояснилось.

...Итак, в сухом остатке у Али остались ее личные вещи: шмотки и ноутбук. Ну, еще маленькая квартирка, доставшаяся от бабушки, в которую Аля и переехала, прихватив с собой свой скромный багаж и кота Василия.

«Алевтина, ты дура!» – сказала сестра, приехавшая помогать Але разбирать вещи. Оценив имущество тридцатилетней Али, Настя вынесла категоричный вердикт: «Ты же на бобах осталась!» С точки зрения Насти, плачевную картину «полных бобов» не спасал даже Алин любимец Вася –

серый котик с поразительно умными, «человеческими» глазами, когда-то подобранный Алей на помойке. Вспомнив о коллекции винтажа, которую Аля собирала уже несколько лет, Настя с надеждой спросила: «Может, твое старье чего-то стоит?» Аля улыбнулась: «В денежном эквиваленте не особенно»... Да она никогда и не станет распродавать вещи, которые собирала с такой любовью.

...Несколько лет назад Аля начала собирать коллекцию винтажа: бижутерию, кружева, шитье, игрушки, статуэтки, посуду. Она отыскивала свои «вещички с историей» на блошиных рынках, заказывала их через заграничные интернет-сайты. Постепенно коллекция разрасталась. Настя с иронией относилась к увлечению сестры, считая эти вещи «нафталином из бабушкиного сундука», на что Аля, смеясь, отвечала, что с детства обожала порыться в бабушкином сундуке.

Особенно Аля любила фантазийные винтажные украшения невероятной красоты: кольцо, кулоны, серьги, браслеты, кольца, камеи и, конечно, броши. Относясь к разным временным периодам, все эти украшения были штучного производства, что отличало их от современной бижутерии. У каждого украшения была своя история, судьба; порой Аля пыталась представить женщину, которой оно прежде принадлежало: какой она была, как сложилась ее жизнь?

Однажды Настя спросила: «Алька, а тебе не страшно? Говорят, что старые вещи сохраняют энергию прежних вла-

дельцев, а большинство из них, наверное, умерло?! Может, эти вещи несут в себе отрицательный заряд?» Аля улыбнулась: «Нет, не страшно! Знаешь, если так подумать, мы всем обязаны мертвым. Говорим на их языке, живем в их городах, читаем их книги! Мне кажется, эти украшения, напротив, заряжены хорошей энергией любви, воспоминаний, и мне приятно, что они не исчезли, а продолжают жить и хранить память о своих владельцах».

...Наблюдая за тем, как Аля любовно раскладывает корочки со своими винтажными вещичками, Настя усмехнулась: «Тоже мне – бриллианты! Ох, Алька, на что ты будешь жить?»

Аля пожала плечами:

– Найду работу. Я сейчас делаю тестовое задание для одного журнала. Если все получится, буду работать по специальности – художником-оформителем. Главное – заниматься чем-то интересным, а деньги – второй вопрос.

Настя скептически покачала головой и, как бывало уже не раз, отчитала сестру за ее непрактичность. Настя, которая была младше Али на четыре года, с детства старалась опекать ее и всегда отчаянно хотела доминировать.

Глядя на сестер, можно было только подивиться причудам генетики – просто невероятно, как у одних родителей могли появиться на свет столь разные дети: миниатюрная, светло-волосая, сероглазая Аля, предпочитающая естественный макияж и сдержанную «скучную классику» в одежде, и крупная

рыжеволосая красавица Настя – яркий макияж, красная помада и приверженность стилю «все немножко с перебором». Сестры и по характеру были разными: Аля – мечтательная, мягкая, витающая в облаках, Настя – практичная, резковатая, знающая, чего хочет от жизни, и твердо стоящая на ногах. В детстве сестры часто ссорились, но потом, в юности, напряженность в их отношениях исчезла, все как-то выровнялось, они подружились.

Алю в хорошем смысле удивляет практичность сестры и ее деловые качества – кажется, Настя может сделать прибыль на чем угодно. У нее свой салон красоты для животных и несколько точек с автоматами для изготовления сладкой ваты («Я продаю детям мечту!» – гордо говорит Настя). В общем, за Настю Аля спокойна – та нигде не пропадет. А вот Настя за Алю...

– Может, пойдешь ко мне в салон администратором? Будешь собак-кошек записывать на стрижки и процедуры? – предложила Настя. – Или попробуй к лету открыть свою точку со сладкой ватой, я помогу. Бизнес сезонный – летний, но что-то заработаешь.

Аля обняла сестру:

– Спасибо, Настена, но я бы хотела заниматься чем-то творческим...

Между тем Настя была права – Але требовалось срочно искать какую-то точку опоры, как-то осваиваться в этой новой реальности, обустривать свой остров, как потерпевше-

му кораблекрушение Робинзону Крузо, и просто зарабатывать на жизнь, чтобы прокормить себя с Васей. Весь декабрь Аля с удвоенной энергией искала работу, а в промежутках между собеседованиями в качестве художника выполняла разовые заказы для различных журналов и делала ремонт в бабушкиной квартире.

С ремонтом она, конечно, погорячилась. В первый же день, въехав в свою новую (по сути – старую) квартиру, Аля решила здесь кое-что изменить и затеяла небольшой косметический ремонт. Так сказать, символически – в новую жизнь в обновленной квартире!

Она была уверена, что обойдется малыми деньгами и к Новому году успеет все закончить, но на деле оказалось совсем не так. Не зря в народе говорят, что, затеывая ремонт, нужно все умножать как минимум на два, потому что и финансовые, и временные затраты окажутся больше, чем предполагалось. У Али именно так и вышло... В середине декабря она наняла бригаду рабочих и по их просьбе заплатила им половину денег вперед – авансом. Бригадир, шустрый молодой человек, получая аванс, клятвенно заверил Алю, что через десять дней она свою квартиру не узнает. И, в общем-то, он оказался прав – вскоре Аля действительно перестала узнавать свою квартиру. Трое рабочих, выходцев из южной дружественной республики, мастерски сумели организовать в этом небольшом пространстве большой хаос. Старые обои со стен были содраны, паркет на полу разобран,

плинтусы и электропроводка вырваны с корнем, старые раковина, ванна и газовая плита сняты и вывезены в неизвестном направлении. Алина квартира была похожа на декорации к какому-нибудь военному фильму о бесчинствах фашистов.

Но главное, что восстановлением этого тотального разгрома никто заниматься не собирался. Разрушив Алин мир «до основания», рабочие во главе со своим шустрым бригадиром куда-то таинственным образом исчезли. Вместе с авансом. На Алины звонки бригадир упрямо не отвечал, возможно, он отправился инвестировать аванс на историческую родину или же сеял хаос и мерзость запустения в очередной квартире.

Даже пробивная Настя в этот раз ничем не сумела помочь. Выслушав Алю, сестра лишь пожала плечами:

– Дала им аванс вперед? А они сбежали? Ну, правильно – дураков надо учить!

– Знаешь, этот разгром – абсолютно точная метафора моей жизни! – печально сказала сестре Аля из самого эпицентра развала.

Печально было еще и то, что эта история приключилась накануне Нового года. Алины попытки найти других рабочих для борьбы с воцарившимся в ее квартире хаосом ни к чему не привели – все ремонтники уже были нацелены на долгие новогодние каникулы и просили перезвонить «после праздников». Помня о том, что новогодние праздники в Рос-

сии отмечают примерно до февраля, Аля изрядно приуныла. К тому же она была стеснена в деньгах, которые вдруг как-то быстро закончились (хотя Аля предпочла бы оптимистически думать, что они еще «не начинались»).

«Что же делать?» – думала Аля, разглядывая свое оскверненное жилище. На потолке большой комнаты, когда-то гордо именовавшейся гостиной, висел кусок вырванной с мясом электропроводки, рождая у хозяйки суицидальные мысли; в центре комнаты, на смотанных кусках грязного полиэтилена, сидел кот Вася (судя по его грустной мордочке, ему это все тоже не нравилось). В итоге Але не оставалось ничего другого (действительно, ну не повеситься же ей теперь!), как взяться за ремонт самой, по крайней мере, за ту его часть, которую она в состоянии осилить – покрасить потолки, наклеить обои. Аля решила, что в новогодние каникулы этим и займется, а со всеми прочими ремонтными сложностями будет разбираться уже в феврале, пригласив специалистов. Пока же ей нужно было сосредоточиться на важном задании из журнала, потому что от результатов ее работы зависело, получит она штатную должность в этом уважаемом издании или нет.

* * *

В суете и житейских хлопотах Аля и не заметила, как закончился декабрь. «Завтра тридцать первое, – напомнила

Настя. – Где будешь отмечать Новый год?» Аля призадумалась: ну где, вариантов не так много... Родители улетали на Новый год к друзьям в Петербург, а Настя отмечала праздник со своим женихом Арсеном. «Да я вообще отмечать не буду! Просто лягу спать, и все!» – подумала Аля, но, желая успокоить сестру, заверила Настю, что проведет новогоднюю ночь в веселой компании.

Честно говоря, Але было совсем не до Нового года. Она и тридцатого декабря просидела над своим заданием, от которого зависело ее будущее, и намеревалась проработать весь день тридцать первого.

Поскольку дома, учитывая полный разгром, работать было невозможно, Аля приспособилась делать это в расположенной неподалеку кофейне. Аля брала с собой ноутбук и, поглощая кофе литрами, трудилась до самого вечера.

...Днем тридцать первого, прихватив ноутбук, Аля, как всегда, отправилась в знакомую кофейню. В зале было уютно и тихо, ненавязчивым фоном звучал старенький французский шансон. Аля села за любимый столик у окна, заказала большую кружку капучино и эклер с заварным кремом и поставила себя погрузиться в работу. Лишь иногда, прихлебывая горячий кофе, она отвлекалась от задания и смотрела в окно на зарядивший с утра снег.

В этот час посетителей в кофейне было немного: слева за соседним столиком сидел уткнувшийся в планшет парень в черной шапочке, справа – влюбленная парочка и за столиком

чуть поодаль – двое подростков.

Выпив кофе, Аля заказала еще одну чашку, чтобы взбодриться. Работалось ей сегодня с трудом – то ли несколько сбивал общий праздничный настрой, то ли сказывалась усталость последних дней. Аля подолгу застревала над пунктами своего задания и все чаще поглядывала в окно. Ей к тому же досаждали посторонние звуки – парень в черной шапочке постоянно кашлял. Сначала Аля старалась не обращать внимания на его противный надсадный кашель, но через полчаса ее это стало раздражать. «Больной, так и сидел бы дома!» – рассудила Аля, неодобрительно взглянув на кашляющего доходягу. Тот и ухом не повел, что-то увлеченно разглядывая в своем планшете. Аля собрала волю в кулак и заставила себя сосредоточиться на работе: «Ну же, давай, нужно сегодня с этим закончить!»

Немного погодя, захотев в туалет, Аля (не тащиться же туда с ноутбуком) посмотрела на кашляющего парня в шапочке, который сидел к ней ближе всех, и обратилась к нему, показав глазами на свой ноутбук: «Я сейчас приду!», что для нормальных людей подразумевало следующее: «Я скоро вернусь, а вы пока, пожалуйста, приглядите за моим ноутбуком, если вдруг что...»

Кашляющий посмотрел на Алю каким-то мутным взглядом и кивнул в ответ. Успокоенная, Аля пошла себе в туалет, а когда вскоре вернулась в зал, то увидела, что ее ноутбука на столике нет. Алю аж зашатало. Она кинулась к кашляю-

щему:

– Где мой ноутбук?!

Тот посмотрел на нее как баран на новые ворота:

– Какой ноутбук?

– Да здесь же стоял! Белый такой!

Парень пожал плечами:

– А я откуда знаю!

К Алиному отчаянию добавилась злость на этого барана.

– Я же вас попросила, как человека?!

– О чем попросили? – не понял незнакомец.

– Я пошла в туалет и кивнула вам: дескать, присмотрите за моим ноутбуком!

– И что? – хмыкнул парень в шапочке.

– А вы мне кивнули в ответ: дескать, присмотрю!

– Девушка, вы в своем уме? – не выдержал он. – Во-первых, когда вы там что-то промычали себе под нос, я вообще ничего не понял. А во-вторых, извините, я не обязан присматривать за вашими вещами. У меня своих дел хватает!

«Идиот! – поняла Аля. – И я идиотка!» Она быстро оглядела зал – ну конечно, подростков не было. Небось они и спиионерили одиноко стоящий ноутбук.

– А не надо было оставлять! – глубокомысленно заметил кашляющий.

Аля метнула в него тяжелый взгляд и опрометью бросилась из зала – может, воришек еще можно догнать?!

Ага! Как бы не так! Улица была пустынна. Аля глупо по-

стояла пару минут на улице, потом вернулась в кофейню. Ее переполняли отчаяние и злость. Злость и отчаяние. И неизвестно, какое чувство было сильнее... Злость усилилась, когда Аля увидела, что этот, в шапочке, сидит и как ни в чем не бывало просматривает свой планшет. Жаждающая расправы и справедливости, она подлетела к его столику:

– А зачем вы мне кивали, когда я попросила присмотреть за моим ноутбуком?!

– Я вам кивал? – удивился «шапочка». – Ничего я не кивал. Это, может, вы не так поняли... Я вообще в это время думал о другом. Слушайте, с какой стати я должен перед вами оправдываться?! У меня и своих дел хватает! – И кашляющий снова уткнулся в планшет.

«Эгоистичная сволочь!» – подумала Аля и взвилась:

– А до других вам, значит, дела нет?!

«Шапочка» оторвался от своего драгоценного планшета и устало посмотрел на Алю. Во взгляде его ясно читалось: «Хоть бы у тебя отобрали все, что есть, включая честь, жизнь и душу, мне на это наплевать». И тут Аля почувствовала, как все, что накопилось у нее в душе за этот трудный месяц: обида на Влада, боль от их разрыва, переживания из-за бытовой неустроенности, усталость и неудачи последних дней, – прорывается наружу. Украденный ноутбук стал последней каплей отчаяния, ударившей Алю по темечку.

– Может, этот ноутбук – единственное, что у меня было! – разревелась Аля.

– Ладно вам, – прокашлял незнакомец, кажется, смутившись. – Не надо так переживать. Ну, неприятно, конечно, но не смертельно. В конце концов, можно купить другой компьютер!

Но Аля, оплакивая свой ноутбук (да что там – жизнь!), была безутешна. Осознав масштаб утраты, «шапочка» за-нервничал:

– Да перестаньте... Чем вас успокоить?! Хотите, куплю вам эклер?

Вот этим эклером он Алю добил, можно сказать, окончательно. Уж лучше бы вообще молчал.

– Да я сама себе могу эклер купить! – рявкнула Аля сквозь слезы, чувствуя непреодолимое желание его ударить.

Парень, видимо, уловил ее тайное желание и неодобительно заметил:

– Надо же, какая вы нервная!

Аля, жалуясь неизвестно кому, скорее – мирозданию, со слезами сказала, что в этом ноутбуке, между прочим, было ее тестовое задание, большую часть которого она уже сделала! А теперь вся работа пропала, труд многих дней пошел насмарку!

– А копировать информацию не пробовали? – спросил «шапочка».

Аля разозлилась – все-таки какой неприятный тип! – и отрезала:

– Не пробовала! Просто не подумала об этом...

– А зря! – веско заметил доходяга в шапке.

«Убивать надо таких умников!» – подумала Аля и почувствовала, что надвигается новый прилив слез. Точно – в ту же секунду они хлынули потоком.

– Вот только не надо реветь! – взмолился «шапочка». – Я женских слез терпеть не могу!

Аля обиделась и от этого мгновенно перестала плакать:

– Не любит он! Скажите пожалуйста! Я уже заметила, что вы думаете только о себе. А я, между прочим, не какая-нибудь плакса. Тридцать лет не плакала, последний раз, наверное, ревела в роддоме, когда родилась!

– А зачем вдруг начала? – миролюбиво спросил незнакомец.

– Накопилось! – честно призналась Аля. – Когда-нибудь терпение заканчивается! А еще когда видишь себя, как сейчас, со стороны, тридцать первого декабря, в канун Нового года, препирающейся с каким-то малосимпатичным субъектом, то понимаешь, что вся твоя жизнь не удалась, и начинаешь реветь. За все тридцать лет, в течение которых ты еще на что-то надеялась!

– Ну спасибо! – хмыкнул незнакомец и закашлялся.

– Ну пожалуйста! – парировала Аля. Как он уже достал со своим кашлем!

Она развернулась и пошла к выходу. На улице Аля остановилась, слезы застилали глаза, в носу хлюпало. Она порылась в сумке в поисках носового платка.

– Держите! – сказал ей кто-то и протянул белый платок. Аля подняла глаза и увидела перед собой этого... в шапочке. Она машинально взяла платок, с чувством высморкалась и побрела по улице.

– Девушка, подождите! – прокашлял ей вслед незнакомец.

Аля обернулась:

– Что еще?

– Вас как зовут? – поинтересовался «шапочка».

– Аля, – прохлюпала она, чувствуя потребность вновь воспользоваться носовым платком.

– А меня – Никита. Будем знакомы! Слушайте, Аля, может, вас подвезти? Вон моя машина! – Он кивнул на припаркованную неподалеку черную иномарку.

Аля усмехнулась:

– А куда меня подвозить, если я живу в соседнем доме?!

– Может, вам куда-нибудь нужно? – спросил Никита и зачем-то добавил: – Все-таки через несколько часов Новый год...

– Не знаю, – задумалась Аля. А она, правда, не знала. До Нового года в самом деле оставалось несколько часов, и нельзя сказать, что ее это радовало. Пойти домой? Она представила свою разрушенную квартиру – сомнительная радость... Отправиться куда-нибудь еще?

– Ну, так что? – напомнил о себе Никита. – Разве у вас нет планов на новогоднюю ночь?

– Почему это? – вскинулась Аля. – Конечно, есть!

– Понятно, а у меня – нет. Раз так сложилось, может, поедем куда-нибудь? – Никита закашлялся.

Аля посмотрела на него с иронией – завидный компаньон для новогоднего вечера, ничего не скажешь! – и пожала плечами:

– Да мне, в сущности, все равно.

Глава 2

«Бред, конечно», – она сидела в чужой машине рядом с совершенно незнакомым мужчиной и ехала неизвестно куда... Впрочем, за последнее время в ее жизни случилось столько всего бредового, что этот эпизод – не самое странное из того, что с ней уже приключилось.

Между тем город светился тысячей огней, нетерпеливо ожидая Нового года. Прохожие спешили по улицам, торопясь подготовиться к празднику: поздравить знакомых, накрыть стол, загадать желание и непременно – хоть краешком своего существа – почувствовать ту самую, пропитанную ароматом ели атмосферу волшебства. Когда-то она и сама так спешила: сделать салаты, охладить шампанское, вручить подарок Владу, обзвонить по списку знакомых, чтобы обязательно всех поздравить... А теперь вот спешить некуда.

Ее новый знакомец всю дорогу молчал, правда, часто кашлял. В какой-то миг, особенно сильно закашлявшись, он виновато пояснил:

– Извините, я недавно простыл. Вот привязался какой-то кашель...

Аля пожала плечами: ничего, бывает.

– Куда едем? – спросил Никита.

Аля подумала и предложила пройтись по Александровскому саду.

...Вечер был морозным и пронзительно синим. Шел снег. Аля брела по снежному саду, думая о своем. Никита молча плелся за ней, о его присутствии напоминал лишь сдавленный кашель. Впрочем, Аля уже как-то притерпелась к этому. Озябнув, они вернулись к машине. Никита предложил поехать на Воробьевы горы.

– Почему туда? – удивилась Аля.

Никита сказал, что, когда не знает, куда ехать, всегда отправляется на Воробьевы горы. Аля только пожала плечами – ладно, пусть так.

...Они смотрели на новогодний город со смотровой площадки. Декабрь отлетал последним снегом.

– А я в детстве любила Новый год! – вздохнула Аля. – Ждала его.

– В детстве все любили Новый год, – философски заметил Никита.

Аля усмехнулась – ценное замечание! Ее мобильный телефон запищал – звонила сестра. Настя поздравила Алю с наступающим и поинтересовалась, как там она проводит новогодний вечер. Поскольку Але не хотелось портить сестре праздник своими проблемами, она нарочито бодрым голосом заверила Настю, что у нее все в порядке. Не признается же она, что проводит новогодний вечер с первым попавшимся типом, к тому же довольно сомнительным!

– У тебя точно все хорошо? – уточнила совестливая Настя, чувствуя смутную вину за собственное благополучие и

счастье.

– Точно! – отрапортовала Аля. – У нас тут веселая компания! Песни, танцы... Может быть, ты даже слышишь?

Как нарочно в этот миг Никита разразился особенно сильным кашлем, просто заклокотал.

– Что это за звуки? – испугалась Настя.

– Я в гостях, тут лает собака, – соврала Аля и поймала укоризненный взгляд Никиты.

Закончив разговор с сестрой, Аля отвернулась – ей вдруг стало так грустно и одиноко...

– Поедем еще куда-нибудь? – предложил Никита.

Аля повернулась к нему:

– Слушайте, а скажите честно, зачем вы пошли за мной из кафе?

– Честно? Да просто стало вас жалко.

Аля в который раз за вечер почувствовала сильное раздражение.

– А почему тебе меня жалко? Я что – какая-нибудь убогая? – Она даже не заметила, как соскочила на «ты».

– Вовсе нет, – улыбнулся Никита, – просто было видно, что... – он замялся, – у тебя нет планов на новогоднюю ночь.

– Это у меня на лбу написано? – огрызнулась Аля. Потом махнула рукой – ладно, чего она на него злится?!

– Ну так что, едем еще куда-то? – повторил Никита.

Аля присмотрелась к нему – невысокий, худой, черная шапочка надвинута на самые глаза, отчего о лице сложно со-

ставить какое-то впечатление. В целом, наверное, его можно назвать симпатичным, если не быть слишком придирчивой... Но в этот вечер, тем более учитывая все обстоятельства, Аля была придирчивой, а потому никакого интереса Никита у нее не вызывал, и гулять ей больше не хотелось. Аля вздохнула и попросила его отвезти ее к той самой злополучной кофейне. «Приду домой, выпью сонного и проснусь уже в Новом году!» – решила она.

...Никита остановился возле кофейни. Аля вышла из машины.

– Ну что, с наступающим! Можешь считать свою миссию выполненной, перестать меня жалеть и идти по своим делам! – Она попыталась улыбнуться, но, кажется, не получилось.

– Нет у меня никаких дел, – вдруг сказал Никита.

– А как же Новый год?

Никита как-то неопределенно пожал плечами, и Аля поняла, что и его этот праздник тоже не особенно радует. Она вдруг заметила, что Никита замерз – подрагивает и лицо покраснело.

– Давай зайдем, выпьем кофе, – попросил Никита. – Что-то меня морозит...

Они зашли в кофейню, но оказалось, что тут уже готовятся закрывать. «Ребята, через два часа Новый год!» – улыбнулся бармен.

– Жаль, – сник Никита.

Две минуты на раздумье, а потом Аля сказала:

– Ну, идем, что ли, ко мне в гости. Только сразу предупреждаю... – Она строго посмотрела на Никиту.

Тот аж закашлялся:

– Ты что... и в мыслях не было!

– Да я не об этом, – смутилась Аля. – Предупреждаю о ремонте! У меня дома совершенный развал из-за ремонта!

– Ну, это ерунда! – махнул рукой Никита и вдруг вскинулся: – Подожди, я куплю что-нибудь к чаю!

Здесь же, в кофейне, он купил пирожные и эклеры. Когда вышли на улицу, Никита предложил зайти в гастроном, расположенный через дорогу: «Купим что-нибудь выпить!»

Аля испугалась:

– Надеюсь, ты не алкоголик?!

Никита рассмеялся:

– Нет. Я имел в виду шампанское. Все-таки Новый год.

В супермаркете, пока Никита покупал шампанское и какие-то закуски, Аля стояла у окна и смотрела на улицу. Косяком, как рыбы, мимо магазина шли счастливые, веселые люди. А они с Никитой оба были... «Неудачники! – усмехнулась Аля. – Вот что нас объединяет».

* * *

– Ну вот! – сказала Аля, когда они пришли к ней домой. – Я тебя предупреждала!

Никита обвел глазами разрушенную гостиную и спросил, что здесь случилось. Аля мрачно усмехнулась:

– Крушение жизни! Да, жизнь съехала с рельсов и показала прямо под откос!

– Бывает! – кивнул Никита и протянул Але пакет с пирожными и шампанское.

Он снял куртку и шапку. Аля внимательно посмотрела на своего нового знакомого: темно-каштановые волосы зачесаны назад, крупноватый нос с небольшой горбинкой, четко очерченные губы (больше подошли бы девушке), подвижная мимика лица. Внешность Никиты можно было бы назвать заурядной, если бы не его глаза то ли темно-зеленого, то ли бутылочного цвета, умные, живые, и какая-то странная улыбка – задумчивая, мечтательная, преображающая лицо. Одет Никита был буднично просто: джинсы, свитер – обычный парень из толпы.

Аля тоже не стала мудрить с праздничным нарядом, осталась, как была, в водолазке и черной прямой юбке (ее повседневный стиль). Она поставила бутылку шампанского на застеленный полиэтиленом стол и достала одноразовые пластиковые стаканчики.

– Извини, не очень изысканно...

Никита невозмутимо сказал, что на счет бытовых вопросов он вообще не заморачивается, и начал открывать шампанское. В следующий миг пробка, выстрелив со страшным треском (кота Васю куда-то как ветром сдуло), удари-

ла вверх, и потолок залило шампанским. Никита растерянно застыл с пустой бутылкой в руках. Аля взглянула на залитый потолок и усмехнулась: а хорошо, что она еще не успела его покрасить! Никита смущенно извинился и разразился усиленным приступом кашля.

– Ничего страшного, – махнула рукой Аля, – думаю, эту квартиру уже ничто не испортит! Однако что-то тебе сегодня тоже не везет!

– Мне всегда не везет. Все дело в дне моего рождения! – непонятно к чему, но с нескрываемой печалью сказал Никита.

Аля удивленно посмотрела на него, ожидая подробностей. Почувствовав ее интерес, Никита пояснил:

– Просто я родился двадцать девятого февраля. Думаю, что это в каком-то смысле определило мою жизнь. У меня все не как у нормальных людей.

Аля заинтересовалась таким феноменом:

– Ой, а как же ты отмечаешь свой день рождения?

Никита пожал плечами:

– Раз в четыре года. Кстати, наступающий год – високосный, так что в феврале приглашаю тебя на день рождения!

Аля вежливо, но холодно кивнула: спасибо; ей казалось маловероятным, что после этого вечера они с Никитой продолжат знакомство.

Никита убрал пустую бутылку, протер стол. Из-за дивана, крадучись, вышел кот Вася, проверить, закончили ли палить

в потолок.

– Хорошо, что я купил две бутылки шампанского! – сказал Никита.

Аля предусмотрительно предложила охладить шампанское и, отнеся его на кухню, сама открыла бутылку. Хотя ей впервые в жизни пришлось открывать шампанское самой (обычно для этого всегда находился какой-нибудь умелый мужчина), у нее все же получилось лучше, чем у Никиты. Вернувшись в комнату, Аля разлила шампанское по стаканчикам.

– Ну что, проводим старый год? – предложил Никита.

Аля кивнула и застыла со стаканчиком, забыв про шампанское: в голову полезли грустные мысли – уходящий год оказался таким сложным, и еще неизвестно, каким будет наступающий... Очнувшись от раздумий, она перевела взгляд на Никиту – тот тоже застыл со своим стаканом, и, судя по всему, мысли у него были невеселые.

– Ну, а ты чего такой... – Аля запнулась.

– Какой? – усмехнулся Никита.

– Как будто из-за угла кирпичом огрели?

– Так тоже с рельсов съехал, – ответил Никита и залпом, как водку, выпил шампанское.

– Рассказывай! – предложила Аля.

И Никита стал рассказывать.

...До двадцати семи лет у Никиты Румянцева была жизнь как жизнь – со своими радостями, горестями, победами, по-

ражениями, а потом что-то у Никиты в голове щелкнуло, и он понял: это не его жизнь. Дело в том, что, когда Никите было двенадцать, родители все решили за него, выбрав для сына другую родину и другую судьбу. На дворе тогда стояли лихие девяностые, и родители Никиты решили найти страну «поспокойнее» – эмигрировали во Францию, где жили родственники отца. Отец Никиты, открывший там свою юридическую контору, видел в сыне продолжателя семейного дела. Для Никиты была составлена целая жизненная программа, подразумевающая обучение в престижном колледже, работу на юридическом поприще, четкие цели и исключительно респектабельные интересы. И до поры до времени он ей следовал: окончил университет, получил образование, стал работать в фирме отца. Но вдруг программа по непонятным причинам дала сбой.

Однажды, находясь у себя в конторе, Никита представил, что проведет в этих стенах большую часть жизни, и на следующий день бросил свою стабильную, высокооплачиваемую, но такую скучную работу. Разумеется, дома разразился жуткий скандал. В итоге Никита ушел из дома и поселился в мастерской у приятеля. Запершись от мира, он думал и пил водку. Думал и пил (очень русское занятие!). И когда вся водка была выпита, он понял, что ему надо полностью поменять жизнь.

...Никита налил себе еще шампанского и продолжил рассказ:

– И тогда я решил все бросить и вернуться в Россию. Подумал: когда, если не сейчас? И все в своей жизни изменил.

– Знакомая ситуация! – улыбнулась Аля. – Вот эти самые слова «когда, если не сейчас?!» обычно и пускают жизни под откос.

– Так что полгода назад я послал адвокатскую практику к чертовой матери, купил билет в Россию и приехал на родину. Заниматься творчеством.

– Типа, перевернуть мир силой своего таланта? – хмыкнула Аля.

– Типа, да, – совершенно серьезно сказал Никита, и в его бутылочных глазах мелькнуло что-то такое, от чего Аля перестала улыбаться и подумала: «Чокнутый или и впрямь незаурядный?»

В этот миг Никита, посмотрев на часы, заметил, что уже без пяти двенадцать. Аля включила телевизор. Вспыхнул голубой огонек экрана, и московские куранты пробили двенадцать раз, возвестив о начале нового года. Аля протянула Никите пластиковый стаканчик с шампанским, и они чокнулись.

– Да, такого ужасного Нового года у меня еще не было! – вздохнула Аля, допив шампанское. Заметив обиду на лице Никиты, она спохватилась:

– Извини, я не о тебе. Я, так сказать, в общем и целом... Кстати, подожди, я сейчас...

Аля пошла в спальню, где в картонных коробках лежали

экспонаты ее винтажной коллекции, дожидаясь, когда хозяйка наконец закончит ремонт и разместит их на черном бархате – горделиво сиять в специальных стеклянных витринах. Порывшись в любимых вещичках, Аля нашла брошь в форме лягушки. Этой изящной, забавной броши было больше ста лет. Вернувшись в комнату, Аля вручила ее Никите:

– Держи, это тебе!

Никита удивился, погладил лягушку:

– Спасибо... Но с чего вдруг?

– Все-таки Новый год. Считай, что это мой подарок. Пусть принесет тебе удачу!

Никита улыбнулся и заметил, что ему, как человеку, рожденному двадцать девятого февраля, удача точно не помешает.

Они еще раз выпили за Новый год и исполнение желаний. Потом Никита спросил Алю, чего она хочет от наступившего года.

Аля отшутилась – сказала, что мечтает закончить ремонт, и поделилась своими планами на новогодние праздники: покрасить потолки и поклеить обои. «Правда, с какими-то сложными ремонтными работами мне не разобраться. Вот, к примеру, с проводкой». Никита заверил ее, что это не проблема и что, если Аля хочет, он может зайти к ней на днях и заменить всю проводку. Аля неопределенно пожала плечами, ей было неловко обременять постороннего человека.

– Ну ладно, про ремонт я понял, – сказал Никита, – а если

серьезно: о чем ты мечтаешь?

Подумав, Аля призналась (и, наверное, в первую очередь себе самой), что с некоторых пор, оказавшись в состоянии полной турбулентности, когда все, что раньше составляло ее жизнь, потеряло всякий смысл, она мечтает о том, чтобы найти в этой новой реальности хоть какую-то точку опоры, новые цели, задачи и смыслы. «Но это так сложно, – вздохнула Аля, – потому что в зоне турбулентности здорово трясет. Я пытаюсь за что-то зацепиться, но у меня пока ничего не получается».

– Между прочим, турбулентность, ты только представь, также наблюдается при взрыве звезд! Это вообще невероятно интересное явление! – заметил Никита, поглаживая забравшегося к нему на колени кота. – И, кстати, ее можно использовать в своих целях!

– Это как? – удивилась Аля.

Никита рассказал, что, к примеру, животные умеют пользоваться турбулентностью, они управляют ее структурой, извлекают энергию из набегающего потока. Скажем, птицы и насекомые используют машущий полет, меняя направление движения крыльев, они создают вихри, что позволяет им достичь большей подъемной силы. «Так что учись жить в этом состоянии, раз уж ты в нем оказалась, и извлекать из него пользу! – улыбнулся Никита. – Желаю тебе скорее «встать на крыло».

– При взрывах звезд... – задумчиво повторила Аля. Ей

почему-то казалось, что звезды взрываются такими яркими вспышками, сродни новогодним салютам, которые в это время запускали во дворе, отчего небо расцвечивалось всеми цветами.

– Ну а ты чего хочешь от Нового года? – в свою очередь, спросила Аля гостя.

– Максимовскую! – сказал Никита.

– Чего? Кого?! – опешила Аля.

– Актрису Эльвиру Максимовскую! – невозмутимо ответил Никита. – Знаешь такую?

Аля кивнула – артистку Максимовскую она знала. А вместе с Алей ее знало еще примерно полстраны. Эльвира Максимовская, что и говорить, была красивой и талантливой актрисой, но мысль о том, что кто-то может рассматривать ее в качестве новогоднего желания или подарка под елку как-то не приходила Але в голову. Она буквально потеряла дар речи, а обрета его вновь, поинтересовалась:

– И зачем она тебе? Ты что, ее фанат?

– Нет, дело не в этом, – махнул рукой Никита. – Она нужна мне как актриса. Только она может сыграть роль в моем спектакле.

– Каком спектакле? – не поняла Аля.

...Оказалось, что в Россию Никита приехал не просто так, а с определенной целью. Вернее, он решил в какой-то миг сделать целью свою давнюю мечту. А мечтой Никиты Румянцева с юности был театр. «Мой дед по материнской линии

был театральным режиссером, а бабушка – актрисой, так что в моем случае, возможно, сыграла свою роль генетика. Знаешь, я даже одно время думал стать актером, но потом, к счастью, понял, что это не мое... Режиссура – вот мое призвание». Полгода назад, приехав в Россию, Никита решил организовать собственную театральную студию. «На первых порах – небольшую, со скромным репертуаром и очень скромным бюджетом. А потом посмотрим, как пойдет дело!» Пока что он с помощью знакомых сумел только «выбить помещение» для будущего театра (полуподвальное, неотремонтированное, в спальном районе), ну и найти пьесу для постановки. А непосредственно постановкой спектакля он собирается заняться в этом году.

– И о чем же пьеса? – из вежливости поинтересовалась Аля.

– О любви, о жизни, – прокашлял Никита (с какой-то особенной важностью и значением).

Аля деликатно кивнула – как интересно! – хотя про себя подумала, что Никита, вероятнее всего, просто пустой мечтатель, уж больно бредово звучали его фантазии. Тем не менее ей захотелось поговорить о театральном искусстве, которое она тоже любила. Никита с удовольствием поддержал тему – о театре говорили битый час. Аля с удивлением открыла в Никите интересного собеседника: он разбирался в истории театра, видел многие известные постановки, учился драматургии. Потом Аля призналась, что она по образо-

ванию художник-оформитель и что ей хотелось бы как-нибудь поработать театральным художником. Ее слова вызвали у Никиты странную реакцию – он вдруг невероятно обрадовался и схватил Алю за рукав:

– Вот ты-то мне и нужна!

Аля даже отшатнулась от неожиданности.

Никита объяснил, что ему для постановки пьесы позарез нужен художник. «Слушай, а может, ты сделаешь нам декорации? И костюмы?»

Аля замаялась. Видя ее замешательство, Никита предложил ей прочесть пьесу, которую он собирался ставить, и в том случае, если пьеса ей понравится, подумать об участии в постановке. Аля вздохнула: «Почитать пьесу?» Честно говоря, ей не особенно хотелось тратить время непонятно на что, но поскольку прямо отказать Никите ей было неудобно (у нее вообще всегда была проблема с тем, чтобы отказывать людям – она органически не могла сказать «нет»), она осторожно выдавила:

– Э... может, как-нибудь потом?

– Потом так потом! Спасибо, что вообще согласилась! – обрадовался Никита. – Давай завтра я позвоню тебе и мы обо всем договоримся?

– Ну, звони, – пожала плечами Аля, втайне надеясь на то, что завтра это все как-то забудется. Ей очень хотелось спать. Новогодняя ночь заканчивалась. Во дворе было тихо – уже и самые неугомонные граждане успокоились и пере-

стали салютовать в честь Нового года. Город засыпал. Не в силах сдержаться, Аля широко зевнула.

Никита счел ее откровенное зевание сигналом и вопросительно сказал:

– Наверное, уже поздно? Мне пора идти?

И хотя Аля видела, что он спросил это просто из вежливости, явно рассчитывая на то, что его остановят: «Да ничего не поздно, что ты! Четыре утра – детское время», она радостно воскликнула:

– Да? Тебе пора? Ну что же, всего доброго! Спасибо за компанию!

Никита уныло поплелся к дверям.

Проводив гостя, Аля как подкошенная рухнула в кровать, успев подумать, что сегодня будет спать до самого вечера. И пусть весь мир подождет!

* * *

Но мир не хотел ждать. Утром, часов в одиннадцать, кто-то позвонил в дверь. Аля натянула подушку на голову, уговаривая себя не реагировать на это и продолжать спать, спать...

В дверь звонили. Снова и снова. Со стоном Аля вылезла из кровати и поплелась в прихожую. Чувствуя боль в горле и нестерпимое желание раскашляться, она мысленно чертыхнулась, понимая, что новый знакомый все-таки успел ее заразить.

– Кто там? – просипела Аля.

– Это Никита! – из-за двери донеслось знакомое кашлянье.

Аля вздрогнула и даже отпрянула от двери – зачем Никита, почему Никита?!

– Я пришел сделать тебе проводку! – сообщил он.

Але нестерпимо хотелось сказать, что она не принимает гостей, но, вздохнув («Ну как-то неловко перед человеком!»), она открыла дверь ипустила его в квартиру.

Никита пришел не с пустыми руками, он принес моток проводов. Пройдя в комнату и погладив безмятежно лежащего на диване Васю, новый знакомый заверил Алю, что сейчас быстро наладит проводку, а потом они смогут поговорить о пьесе. Аля угрюмо зевнула и ушла приводить себя в порядок.

Умывшись и переодевшись, она вернулась в комнату. Никита уже поставил стремянку и полез под потолок. Аля хотела было спросить у Никиты, есть ли у него опыт работы с электричеством (в ее представлении электричество было чем-то невероятно опасным), но постеснялась. «Небось знает, что делает!» – успокоила себя Аля. И как оказалось – зря. Когда Никита зацепил плоскогубцами торчащий из потолка шнур старой электропроводки, что-то вдруг заискрилось. В тот же миг Никита вскрикнул, стремянка зашаталась, и он полетел вниз. Увидев летящего Никиту, Аля закричала что есть мочи.

Никита приземлился посреди комнаты и остался лежать, не подавая признаков жизни. Аля бросилась к нему. «Ты жив?!» Он молчал и не двигался. Аля похолодела от ужаса и стала ощупывать его руки, голову... Наконец Никита зашевелился.

– Живой! – обрадовалась Аля. – Как же тебя угораздило?!

– Я же говорил, что родился двадцать девятого февраля! – грустно сказал Никита, поднимаясь. – Мне во всем не везет.

Лицо и руки у него были разбиты. Аля помогла ему поднять стремянку и смотреть провод.

– Ладно, с проводкой что-нибудь потом придумаем, – вздохнул Никита, – наверное, я что-то делал неправильно. Займемся пока чем-нибудь другим. Точно! Завтра приду к тебе клеить обои!

Аля мысленно охнула: «Нет-нет, спасибо, я как-нибудь сама!»

– Слушай, а пойдем пить кофе в нашу кофейню, – предложил Никита, потирая ушибленную спину. – Там и пьесу считаешь!

Никита выложил на кофейный столик кипу листов, пояснив, что это текст пьесы, которую он хочет поставить в своем будущем театре.

– А кто автор? – спросила Аля.

– Я, – скромно сказал Никита. – Понимаешь, я решил для первой постановки написать свою пьесу. Заодно и сэкономить на гонораре для автора. Ну, читай...

И Аля стала читать. За следующий час она успела выпить три большие чашки кофе, съесть несколько эклеров (Никита приносил ей кофе с пирожными, как заботливая птица-мать своему птенцу), а главное, поверить в придуманный Никитой мир. Перевернув последний лист, Аля застыла и какое-то время провела в совершенном ступоре. Никита даже забеспокоился:

– Что? Тебе не понравилось? Так плохо?

Но это было совсем не плохо. Пьеса, написанная Никитой, оказалась на удивление хороша – с живым нервом, силой искренности и пронзительным, бьющим наотмашь финалом. Никита создал целый мир: среди героев были вздорная красавица, сложный герой с «метаниями», острый, талантливый подросток, великолепная, слегка безумная старуха и много конфликтов и противоречий, затянутых в тугой узел (как же было интересно следить за тем, как он затягивается на шеях героев!). А еще пьеса блистала светлой печалью и тонким, первоклассным юмором. Последнее особенно удивило Алю – в обычной жизни Никита не производил впечатления веселого человека.

– Ну что, согласна поработать вместе со мной? – спросил он. – Правда, не знаю, насколько коммерчески выгодным будет этот проект...

– Мне надо подумать, – серьезно ответила Аля.

Она была так взволнована, что, придя домой, позвонила Насте и принялась пересказывать ей содержание пьесы: «...

Героиня приезжает, а герой ей во всем признается, но выясняется, что это еще не финал! В истории есть второй поворот, а потом – третий! А потом вообще такой финт ушами, что диву даешься! И главное, до самого конца непонятно, чем все закончится!»

– Ну? – удивилась Настя. – И что ты хочешь сказать? Что у этого твоего драматурга талант?

– Несомненно! – заверила Аля.

Она никак не могла успокоиться. Похоже, Никита заразил ее не только простудой, но и своей увлеченностью. Новый знакомый оказался одним из самых странных людей, которых она когда-либо встречала. Он был одержимым – своей идеей и призванием. В нем горело пламя его таланта, и Але хотелось лететь на это пламя. Она желала приобщиться к чему-то большому, яркому, необычному.

Наутро Аля позвонила Никите и сказала, что готова помочь ему в постановке спектакля.

Глава 3

Никита обрадовался и предложил Але прямо сейчас посмотреть помещение, выделенное под театральную студию.

...Аля растерянно озиралась по сторонам. И это – будущий театр?!

Увы, в сыром подвале царил хаос похлеще, чем в ее квартире. Эти стены годились лишь для декораций исторического фильма, скажем, к сценам полностью разрушенной Трои. Полный мрак и мерзость запустения. Представить, что сюда (за свои деньги!) будут приходить зрители, мог только такой человек не от мира сего, как Никита Румянцев.

– Ну как, очень плохо? – тоскливо спросил он.

– Да почему, более-менее... – из жалости соврала Аля.

Ей было ясно, что здесь необходимо все, как говорится, отстраивать по кирпичику. И это требовало больших финансовых вложений.

– У тебя есть деньги? – прямо спросила Аля.

Никита задумался. Обдумав Алин вопрос, он ответил, что денег у него нет. Тогда Аля попробовала уговорить Никиту отказаться от этой затеи – дураку ясно, что во всем этом есть что-то суицидальное. «Ник, ты просто не представляешь, в какую пускаешься авантюру! Создать театр с нуля, не имея никаких ресурсов?! Это безумие! Самоубийство!» Она посоветовала ему другой вариант: предложить пьесу к постанов-

ке в других театрах. «Твоя пьеса талантлива, вот увидишь, ее где-нибудь обязательно поставят!» Но Никита с ослиным упрямством говорил, что на «где-нибудь» он не согласен, что дело вообще не в пьесе и что его мечта – собственный театр. «Ну, хорошо, скажем скромнее, не театр, а театральная студия!»

Поняв, что он не уступит, Аля смирилась: что ж, значит, надо помочь человеку осуществить его мечту. По сути – сделать невозможное.

За советом Аля обратилась к своей практичной сестре. Позвонив Насте, она честно обрисовала состояние дел. «Что делать, Настена? С чего начинать?»

– С курса лечения в дурдоме! – невозмутимо ответила Настя. – И тебе, и этому твоему непризнанному гению явно не помешает вставить отвинтившиеся шарики на место.

– А если серьезно? – вздохнула Аля.

Настя фыркнула:

– Ну я не знаю... Иди на прием к чиновникам. Кроме сумасшедшего дома, гениями еще занимается Минкульт. Выбивай деньги.

– А дадут? – печально спросила Аля.

...Нет, денег не дали. Хотя Аля на приеме в одном уважаемом учреждении битый час убеждала чиновника в том, что Никита Румянцев невероятно талантлив и что вот таким-то талантам и нужно помогать (поскольку бездарности, что мы повсеместно и наблюдаем, пробиваются сами). Но бездуш-

ный чиновник – голова-два уха – остался безучастен к Алиным доводам и сказал гражданке Серебряковой следующее:

– Новый театр? Но театров в Москве и так много, нужен ли еще один? Тем более, как вы говорите, маленькая театральная студия...

– И что с того, что театр маленький?! – Аля почувствовала, что вот-вот сорвется. – Между прочим, еще Чехов говорил, что наличие больших собак не должно смущать маленьких!

Но чиновника и авторитетом Чехова было не задавить, он только пожал плечами и ни к селу ни к городу ляпнул:

– Не знаю, не знаю... Лично я вообще предпочитаю ходить во МХАТ.

– А при чем тут МХАТ? – взорвалась Аля. – Это две большие разницы!

Короче, денег на ремонт помещения не дали. И больше не ходите и не досаждайте просьбами!

В тот же день они с Никитой встретились в будущей студии, и Аля грустно сообщила, что ей не удалось раздобыть денег. «Значит, с ремонтом мы пролетаем!» «Ничего не пролетаем!» – рассмеялся Никита и с гордым видом раскрыл «молнию» на своей спортивной сумке. Сумка была набита денежными пачками.

– Можно встречаться с дизайнером, а потом начинать ремонт! – подмигнул Никита.

– Откуда деньги? – Аля с подозрением уставилась на сво-

его компаньона. — Ты ограбил банк?

Никита промычал что-то неопределенное, по какой-то причине не желая отвечать на Алин вопрос.

Все выяснилось, когда они вышли на улицу. Никита смущенно признался Але, что сегодня не сможет подвезти ее до дома. И завтра тоже. И вообще он теперь ездит на метро.

— Ты продал машину? — догадалась Аля.

— А знаешь, на метро, оказывается, очень даже удобно! — выпалил Никита.

— Исключительно! — вздохнула Аля. — Но что мы будем делать, когда эти деньги закончатся?

Никита поспешил заверить ее, что в их распоряжении немаленькая сумма. Он признался, что, кроме денег, вырученных от продажи машины, есть еще и другие средства, так как вчера он взял кредит в банке. Аля покачала головой (чем все это закончится?!) и заметила, что эти деньги не решают проблему в целом. Никита беспечно пообещал придумать что-нибудь еще.

По дороге домой Аля размышляла о том, что в ближайшие дни ей нужно встретиться с дизайнером, чтобы согласовать дизайн-проект будущей студии, потом заняться ремонтом их подвала (уж теперь-то она не повторит своих прошлых ошибок!), а главное, попытаться каким-то образом уговорить актрису Эльвиру Максимовскую сыграть в спектакле.

На следующий день Аля встретила с Настей в кафе и рассказала ей о своих проблемах.

– Охота тебе возиться с этим театром? – искренне недоумевала Настя.

Аля кивнула – охота. А почему охота, как объяснить... Во-первых, Никита – талант, а талантам нужно помогать, во-вторых... Кто еще поддержит человека, родившегося двадцать девятого февраля?!

– Ну и в чем проблема? – не поняла Настя. – Деньги на ремонт нашли, помещение есть. Теперь-то что?

– Теперь нужна Максимовская!

– Эльвира Максимовская? – удивилась Настя. – Зачем она вам?

Аля объяснила, что Никита, как автор пьесы и режиссер спектакля, видит в главной роли только Эльвиру Максимовскую. «Собственно, он и писал эту роль для Эльвиры. Никита говорит, что если она не будет играть – спектакля не будет».

– Какой он у тебя капризулька! – усмехнулась Настя. – Максимовскую ему подавай!

Аля печально вздохнула:

– Да, это непросто. Я вот даже не представляю, как на нее выйти и хотя бы просто попросить прочесть пьесу! Я отпра-

вила на ее мейл два письма – глухо. Звонила ее агенту – никакой реакции. Тут необходим личный разговор, нужно убедить Эльвиру, что это ее роль. Вот если бы с ней поговорить... Но как?!

– Можно попробовать устроить это через Моню! – выпалила Настя.

– Какую еще Моню?!

– Какого! – поправила Настя. – Моня – это собака Максимовской, породы чихуа.

– Ты знакома с собакой Максимовской? – хмыкнула Аля.

– Моня – завсегдатай моего салона! А приводит его к нам сама Эльвира! И следующая запись у нее назначена на эту субботу!

И Настя предложила свой план.

...Когда Аля изложила Настин план Никите, он посмотрел на нее как на сумасшедшую.

– Что?! Ты предлагаешь мне устроить какое-то дурацкое цирковое представление с дрессированными пуделями и таким идиотским способом познакомиться с Эльвирой?! Да еще рассчитывать, что после этого шоу она всерьез воспримет мое предложение?!

– Я всего лишь советую тебе прийти в Настин салон под видом посетителя и в очереди, оказавшись рядом с Эльвирой, завязать с ней непринужденную беседу. А уже потом, как бы невзначай, обмолвиться о своей пьесе и упомянуть, что для Эльвиры есть чудесная роль! – мягко сказала Аля. –

Никита, соглашайся, других вариантов заполучить Эльвиру у нас нет.

Никита схватился за голову.

– Считай, что мы просто устроим такой... театр! – нашла Аля. – Разыграем своеобразный спектакль?!

– Спектакль? – вздохнул Никита. – Ладно... Можно попробовать. А как мне завести с ней беседу?

– Начни разговор на какую-нибудь «собачью» тему! – предложила Аля. – Собаководы это любят.

Настя подготовилась к операции основательно и даже заговорила статиста – рыжего нахального мопса по кличке Филя. Никита и возразить не успел, как Настя всучила ему в руки собаку (она взяла мопса «напрокат» у одной из своих клиенток) и посадила их вдвоем на диванчике под пальмой. Аля устроилась неподалеку – наблюдать за развитием событий. Никита заметно нервничал, чужой мопс тоже волновался: он беспокойно ерзал, недоуменно выпучивал круглые глаза и забавно похрюкивал. И вот наконец в холле появилась эффектная Эльвира Максимовская. Она шла с крохотной белой собачкой на руках, прямо-таки озаряя мир своей красотой.

Аля даже вздохнула – красивая! – и невольно подумала, что у Никиты хороший вкус. Эльвира обладала не той обезличенной, глянцевой красотой девушек с подиума – в ее красоте чувствовалась индивидуальность. Ко всему прочему Эльвира была больше чем красива – она была талантлива.

Накануне Аля пересмотрела фильмы и записи театральных спектаклей с участием Максимовской и поняла, что Эльвира и впрямь незаурядная актриса.

Настя усадила Эльвиру рядом с Никитой и попросила актрису немного подождать, объяснив, что мастер заканчивает стрижку другой собаки. Эльвира недовольно надула губы – ждать она не привыкла – и стала листать какой-то глянцевого журнала.

Аля послала Никите знак глазами, дескать, давай действуй, подходящий момент! Но Никита сидел как истукан, судорожно сжимая мопса в руках. Аля забеспокоилась: время шло, Настя не могла долго «держаться оборону». Она начала подмигивать Никите так, словно у нее был нервный тик. Увы, Никита был столь же бессловесен, как его рыжий подопечный, и имел такой же глупый вид. Вдобавок вздорный мопс, потеряв терпение, изловчился и укусил парня за палец. «Вот тварь!» – вскрикнул Никита.

Эльвира отвлеклась от журнала и хмуро посмотрела на Никиту: дескать, как ты разговариваешь с собакой, живодер?! Нервы у Никиты сдали, и, подхватив визжащего мопса, он ринулся прочь. Аля устремилась за ним. Она догнала его уже у самого выхода. «Никита, вернись!» Но он, всучив Але разозленного мопса и заявив, что не будет больше участвовать в этом абсурде, ушел. Притом весьма расстроенный.

Аля с ужасом поняла, что все пропало. Вот сейчас Эльвира уйдет из салона, и когда потом еще представится возмож-

ность поговорить с ней?! Аля бросилась к сестре:

– Настя, давай я подстригу этого ее... Моню!

– Ты что? – ошалела Настя.

– А чего? В процессе стрижки я ненавязчиво заговорю с Эльвирой, глядишь, завяжется беседа и...

– Ты же не умеешь стричь собак?!

– Да подумаешь, делов-то! У хвоста немного сниму, уши подровняю! – затараторила Аля.

– Ну уж нет! – ужаснулась Настя. – Даже не думай!

Аля в отчаянии наблюдала, как Эльвира Максимовская со своей стриженной собачкой покидает салон. Вот она направляется к припаркованной у салона машине, вот садится в машину... Надо было что-то сделать, остановить ее, задержать!

Но на Алю словно ступор напал. Для нее вообще всегда было проблемой заговорить с незнакомым человеком, тем более обратиться к кому-то с просьбой. А тут речь шла об известной артистке! «Но ведь это нужно Никите!» Аля вспомнила, какое лицо было у Никиты, когда он уходил из салона, и бросилась на улицу.

А дальше Аля даже не поняла, что произошло. Она только словно увидела себя «в полете» и... приземлилась под колеса отъезжающей машины Максимовской.

– Девушка-а-а! Вы живы? – раздалось у Али над ухом. Она открыла глаза и увидела над собой Эльвиру. Аля цепко схватила ее за руку. Эльвира вздрогнула и попыталась высвободиться. Но Аля держала актрису мертвой хваткой. Эль-

вира взвизгнула. Из ее машины доносилось истошное твяканье Мони. Вокруг барышень стали собираться зеваки. В окне салона торчала Настя, лицо у нее было совершенно белое.

– Отпусти меня! – почему-то шепотом попросила Максимова.

– Мне надо с вами поговорить! – тоже шепотом сказала Аля.

...Они сидели в кафе напротив салона. В одной руке Эльвира держала нервного Моню, в другой – чашку кофе. Аля рассказывала про пьесу Никиты, в которой Эльвира непременно должна сыграть.

– Ты что – дурная? – строго спросила Эльвира, выслушав Алю. – Из-за такого под машину бросаться? Я думала, у меня инфаркт случится!

– Извини, – вздохнула Аля, – у меня не было выбора.

Эльвира задумчиво поглаживала Моню; с одной стороны, ей хотелось отчитать Алю за выходку с машиной, с другой – что-то в этой блаженной было такое, что невольно к ней располагало. В итоге Эльвира на Алину искренность ответила взаимностью. Актриса призналась, что ей теперь в принципе не до театральных постановок, потому что все, чего она сейчас хочет, – это получить главную роль в экранизации ее любимого романа «Удивительная судьба».

– Это моя роль! – с чувством воскликнула Эльвира, стискивая Моню в объятиях. – Я давно о ней мечтала! И пока я ее не получу – ни о чем другом даже думать не смогу!

Аля растерялась. Она была настроена на то, что Эльвиру придется уговаривать (Никита был готов отдать все имеющиеся у него деньги на выплату гонорара), но такого поворота событий не ожидала. Тем не менее Аля уточнила, согласится ли Эльвира сыграть в их спектакле, если ее утвердят на роль в «фильме мечты».

Максимовская с минуту удивленно смотрела на Алю, потом усмехнулась:

– Ну, если меня утвердят, то я на радостях сыграю в этом вашем любительском спектакле!

– Обещаешь? – спросила Аля.

Эльвира опять посмотрела на Алю как на сумасшедшую и, подхватив Моню, ушла восвояси. Но Аля все-таки успела всучить ей свой номер телефона.

* * *

Да, перед Алей стояла сложная задача – ей нужно было «добыть» Эльвиру Максимовскую для спектакля, а для этого заполучить для Эльвиры роль в фильме. Прямо как в сказке, где у героя по дороге к заветной цели из одного испытания немедленно вырастает другое. Поначалу Аля сильно приуныла, но затем... Она нашла информацию о будущем фильме и узнала, что главным продюсером этого проекта является некто Владимир Фельман – человек невысокого роста и больших возможностей. Подумав, Аля решила каким-то

образом поговорить с этим самым Фельманом и убедить его в том, что на главную роль ему нужна только Эльвира Максимова.

Но легко решить, что ей нужно встретиться с Фельманом и в непринужденной обстановке, за чашечкой чая, дать ему дружеский совет на счет подходящей актрисы, а как осуществить это на деле? Фельман с ней и разговаривать не станет. Проблема, как и в случае с Эльвирой, заключалась также в том, что Але, вообще довольно стеснительной от природы, было сложно обратиться к незнакомому человеку с какой-либо просьбой. И лично для себя она никогда бы не стала никого ни о чем просить, но ради Никиты...

Аля нашла кинопродюсера Фельмана в известной социальной сети и послала ему запрос на добавление в друзья. Номер сработал, Фельман подтвердил Алин запрос. Изучив психологический портрет продюсера, Аля нашла его уязвимое место. У этого сильного в мире киноиндустрии человека была одна слабость – любовь к своему коту по имени Макс. Этого самого Макса продюсер любил так, как, видимо, не любил ни одну из своих жен (по слухам, Фельман был женат семь раз). Поняв, что путь к сердцу продюсера лежит через его кота, Аля принялась преданно ставить лайки под фотографиями Макса, которые усиленно публиковал продюсер. Затем Аля разместила в хронике Фельмана снимок кота, удивительно похожего на Макса (пусть человек порадует). Потом отправила продюсеру сообщение с просьбой о

встрече. Однако он ей ничего не ответил. Аля разместила еще пару котов на его странице и лайкнула все фотографии продюсерского любимца за все годы существования кота и аккаунта. Она снова написала Фельману, добиваясь аудиенции. Но и на этот раз толку было ноль, продюсер реагировал только на своего кота и денежные кинопроекты – Аля и прочие обитатели земного шара его не интересовали.

Тогда Аля решила подкараулить его где-нибудь на улице, чтобы поговорить о роли для Максимовской. Смущаясь и робея (и в глубине души презирая себя за неподобающее поведение: «Боже, до чего я дошла!»), она устроила на Фельмана «засаду» у здания, где находился офис его кинокомпании.

Ждать пришлось долго – не меньше часа. В этот день был мороз, и Аля, карауля киношного босса, успела зачать. Наконец Фельман вышел из здания. Аля бросилась к нему наперерез: «Здравствуйте!»

Фельман отшатнулся:

– Что вам?

– Я – Аля Серебрякова! – сказала Аля, переминаясь с ноги на ногу.

Продюсер смотрел на нее как на пустое место.

– Мы с вами друзья! – напомнила Аля.

Холодный взгляд Фельмана не говорил о том, что он считает ее своим другом.

– Помните, ваш кот Макс?! – Аля попыталась улыбнуться,

но губы свело от холода.

– Я знаю, что моего кота зовут Максом! – ледяным тоном сказал продюсер. Судя по выражению лица Фельмана, в его душе царил холод еще более сильный, чем в этот день в городе.

Фельман прошел мимо Али и направился к машине. Аля бросилась за ним:

– Подождите!

– Что вам нужно? – Теперь он смотрел на нее как на городскую сумасшедшую.

– Речь идет о роли в «Удивительной судьбе», – потупилась Аля. – О роли Марии!

– Вы хотите получить роль Марии? – брезгливо спросил продюсер.

– Ой, что вы, я – не актриса! – залепетала Аля, чувствуя, что от холода начинает стучать зубами. – Я вообще не для себя стараюсь. Я хочу вам посоветовать актрису на эту роль!

– Да что вы говорите? Ха-ха, это даже смешно! – сказал Фельман без тени улыбки на лице. – Если мне будут давать советы все, кому не лень... И кого же вы посоветуете?!

– Эльвиру Максимовскую! – выпалила Аля.

– Не понял, вы – агент Максимовской? – удивился Фельман.

Аля покачала головой:

– Нет, я вообще не имею отношения к миру кино.

– Тогда чего ради вы о ней печетесь?!

Аля разразилась хвалебной одой в адрес Максимовской: «Это гениальная актриса! Вам нужна только она! С ее участием ваш фильм станет бомбой!»

Фельман, совершенно ошалев от Алиной непосредственности, с нескрываемой иронией поинтересовался, с чего вдруг она считает, что Максимовская сможет сыграть эту роль.

– Потому что она и не такое может! – убежденно сказала Аля и клацнула зубами. Все, она окончательно промерзла!

Продюсер усмехнулся:

– Идите домой, девушка, и выпейте горячего чаю, не то заболите. Считайте, что вы выполнили свою миссию.

– Вы возьмете Максимовскую? – возликовала Аля.

– Мы предложим ей пройти кастинг на общих основаниях! – сказал Фельман и сел в машину, дав понять, что аудиенция закончена.

А через неделю Але позвонила Эльвира:

– Привет! Я прошла кастинг и получила роль в «Удивительной судьбе». Готова прочесть вашу пьесу, и если мне понравится...

«Тебе понравится!» – чуть не крикнула Аля.

* * *

С Максимовской договорились, что весной она начнет репетировать в спектакле. Никита просто сиял от радости, рас-

чувствовавшись, он сказал Але: «Алька, какая же ты молодец! Чтобы я без тебя делал?!»

После этих слов Аля ощутила прилив сил и с еще большей энергией включилась в работу: она контролировала ремонт студии (забросив ремонт собственной квартиры), придумывала декорации для будущего спектакля и даже принимала участие в подборе актеров.

Актрису на роль старухи Але посоветовала Эльвира. «Эту роль могла бы сыграть гениальная артистка Ангелина Ткаченко. Правда, она теперь не снимается в кино и почти не задействована в театре...»

Аля, видевшая спектакли с участием Ткаченко, тут же мысленно согласилась с Эльвирой – конечно, Ангелина идеально подойдет на эту роль. Аля в тот же день связалась с театром, где долгое время работала Ткаченко, и, узнав ее телефонный номер, позвонила Ангелине.

...Выслушав Алино предложение, Ангелина Ткаченко высокомерно ответила, что она теперь редко играет в театре. «Возраст, моя дорогая...» Зная, что в прошлом году актрисе исполнилось семьдесят, Аля с пониманием отнеслась к ее словам, но все же заметила, что эта роль словно создана для Ангелины. «Может быть, вы хотя бы прочитаете текст пьесы?» Сказав, что текст можно оставить в доме, где она живет, у консьержки, Ангелина закончила разговор.

Через неделю Аля перезвонила актрисе – узнать, прочла ли та пьесу.

– Прочла, – сказала Ангелина, – что удивительно – даже без особенного отвращения. Написано недурно... Только это ничего не меняет в моем решении. Вам нужно искать другую артистку.

– Может быть, встретимся? – робко предложила Аля. – Мы готовы обсудить любые ваши условия!

Ангелина усмехнулась:

– Ладно, давайте поговорим. К себе не приглашаю, но, если хотите, можем вместе прогуляться. У меня моцион – каждый день в двенадцать часов я иду на прогулку в сквер рядом с моим домом.

Ангелина Ткаченко – артистка Божьей милостью. Темные, как уголья, глаза, низкий голос, царственность в каждом жесте, посмотрит – рублем одарит, войдет – все встанут. Королева! Ангелина и в лучшие годы не была милочкой и душкой, а с годами и вовсе стала невозможной – прямая, резкая, говорит что думает, рубит сплеча.

Серый февральский денек, идет мягкий снег, на ветках застыли вороны. В сквере дремотно и тихо. До весны еще далеко.

Ангелина холодна и надменна, Аля терпелива и искренна (она считает, что артистка имеет право на любое поведение, ибо ее талант оправдывает все).

...Они пересекают сквер, прогулка закончена. На Алины уговоры Ангелина отвечает коротко: «Зачем мне это?!» Аля буквально сует ей листок со своим телефонным номером:

«Вы говорите, зачем вам это? Вам, может, и незачем... А другим людям – вашим зрителям – нужно! Подумайте. Я буду ждать вашего звонка...» Ангелина молчит, лишь снисходительно кивает на прощание, но листок с телефоном берет, заронив в Алину душу надежду.

...Звонок раздался через три дня. Аля замерла, услышав суховатый голос Ткаченко: «Приезжайте ко мне. Но предупреждаю, я еще ничего не решила. Нужно все обсудить...»

Седовласая пожилая женщина с лучистыми глазами, которую Ангелина представила как свою компаньонку, принесла в гостиную поднос с чайным сервизом и бисквиты.

– Спасибо, Вера! – поблагодарила Ангелина.

Разливая чай в чашки тончайшего фарфора, актриса призналась Але, что ее семья сейчас – Вера и кот Филипп. Ангелина рассказала, что с Верой они познакомились целую вечность назад: когда-то та была ее поклонницей – приходила на все спектакли, дарила цветы, потом стала работать у нее помощницей по хозяйству. «А сейчас Вера для меня и компаньонка, и все равно что близкая родственница. Теперь уж за давностью лет совершенно сроднились, – улыбнулась Ангелина. – Ругаемся не чаще раза в неделю, что удивительно, учитывая мой сволочный характер. Вероятно, все компенсирует Верин ангельский».

В комнату вошел огромный вальяжный котище, черный, как самая зловещая ночь, и с какими-то удивительными оранжевыми глазами. Аля взглянула на кота с уважением –

масштаб его размеров впечатлял, в сравнении с Филиппом ее кот Вася казался жалким заморышем. Кот невозмутимо прошествовал к столу и запрыгнул на пустующий третий стул, словно намеревался принять участие в чаепитии.

На стенах в гостиной висели театральные фотографии Анжелины Ткаченко. Ее лучшие роли, ее лучшие годы... Огромный шкаф (Аля мысленно назвала его «чеховским») был доверху уставлен книгами, в углу в ожидании дремал рояль. Высокие потолки, тишина и размеренность старого московского дома, повидавшего на своем веку всякое.

Чай просвечивал в тонких чашках, в вазочке застыли вишни («Попробуйте, Вера варит отменное варенье!»). Ангелина разломала нежный бисквит длинными нервными пальцами, и Аля обратила внимание на ее кольцо – первоклассный изумруд, настоящее сокровище. Внимание привлекла и брошь в виде золотого тюльпана, приколотая к жакету Анжелины. Это было винтажное украшение известного ювелирного дома.

– У вас редкая, патентная брошь, – не сдержалась Аля. – Такие были выпущены ограниченным тиражом, а сохранилось их совсем мало.

– Откуда вы знаете? – удивилась Ангелина.

Аля рассказала о своей коллекции. Актриса и, кажется, даже кот Филипп взглянули на Алю с уважением.

После чая Ангелина сама заговорила о пьесе, признавшись, что текст незнакомого ей автора Никиты Румянцева –

единственное стоящее произведение, которое она прочла за последнее время.

– То, что мне обычно присылают, просто невозможно читать! Не говоря уже о том, чтобы сниматься в таком дерьме. А здесь, – Ангелина потрясла папкой, в которой лежала пьеса Никиты, – все же литература! Слушайте, а этот самый Румянцев – он вам кто? Любовник? Брат, сват?

Аля ответила, что Никита ей, в сущности, никем не приходится, и рассказала историю их знакомства.

Выслушав, Ангелина удивленно спросила:

– А почему вы ему помогаете?

– Потому что он – талантливый человек.

Ангелина буркнула что-то об Алином идиотизме, но беззлобно, напротив, даже с каким-то одобрением. Потом она надолго о чем-то задумалась. Аля терпеливо ждала, не решаясь вспугнуть тишину.

– Знаете, этот ваш Никита напомнил мне одного моего знакомого – минус сорок лет назад! В нем тоже горело пламя таланта. – В темных глазах актрисы мелькнула дымка светлейшей печали. Помолчав, Ангелина добавила: – Но хочу предупредить вас, моя дорогая, что с этими гениями опасно долго находиться рядом! Я согласна с одной весьма талантливой дамой, утверждавшей, что поэты – самые скверные любовники и что лучшие любовники – коммивояжеры. Мой вам совет – найдите себе коммивояжера.

Аля улыбнулась:

– Я уже была замужем за коммивояжером.

– И что? – прищурилась Ангелина.

– Сбежала от скуки. Так вы сыграете в нашем спектакле? Ангелина усмехнулась:

– Ну и как вы себе это представляете?! Как я буду добираться до вашей дыры в моем-то возрасте?

Аля твердо сказала, что за актрисой будет приезжать такси и каждый раз после репетиции или спектакля отвозить ее обратно.

– Великая радость – трястись в такси! – проворчала Ангелина и обратилась к вошедшей в комнату Вере: – Верочка, меня в театр зовут. Как думаешь, идти?

– Иди, матушка! – улыбнулась Вера. – А то совсем ты дома засиделась. Оттого и характер испортился!

Кот Филипп прыгнул Ангелине на колени и потерся головой о ее руку.

Погладив любимца, актриса вздохнула:

– Ладно, я согласна. Давайте попробуем. Только так – играть буду пока до Нового года, а там посмотрим.

– Конечно, – кивнула Аля, готовая от радости расцеловать и саму актрису, и ее кота, и компаньонку Веру.

– Еще пожалеете, что я согласилась! – пообещала Ангелина. – Я там наведу у вас порядок! Буду изображать королеву в изгнании и казнить всех своим несносным характером!

В конце февраля Аля вспомнила, что у Никиты скоро день рождения. Она спросила его, собирается ли он отмечать этот праздник. Никита только рукой махнул:

– Вряд ли. Я практически никогда не отмечаю свой день рождения. Вообще не люблю этот день.

– Почему?

Никита пожал плечами:

– Не знаю... Мне с детства казалось, что это какой-то неправильный день. Лишний. И потому что я родился в лишний день, и сам я какой-то... лишний.

– Перестань, Никита, не говори так, – огорчилась Аля.

Она была с ним категорически не согласна. Пусть двадцать девятое февраля – «лишний» день, но ведь это-то и прекрасно! Раз в четыре года у нас есть еще один, так сказать, дополнительный день! Ведь для чего-то он нам дан?! Можно прожить его как-то особенно – взять и осуществить свое давнее желание, на исполнение которого раньше не хватало времени, или вдруг завалиться в гости к старым друзьям, которых сто лет не видел, или засесть дома и за день проглотить прекрасный роман, о котором давно мечтал... Да мало ли что еще можно придумать?! Но у Али была другая задача – ей хотелось подарить этот день Никите. Все-таки это его день рождения...

Двадцать восьмого февраля Аля взяла с Никиты обещание, что он поступает в ее полное распоряжение на весь завтрашний день.

– Что ты задумала? – проворчал Никита. – Надеюсь, это не подразумевает сексуальное рабство?

– Дурак, – огрызнулась Аля. – Значит так, завтра ты должен быть готов к... шести утра!

– К чему готов? – испугался Никита, который вообще не вставал раньше десяти.

– Завтра узнаешь. В шесть утра я заеду за тобой. Чтобы был умыт, одет, причесан!

На следующее утро Аля заехала за Никитой на такси и вытянула его, ошалевшего, сонного, из дома.

– Куда мы едем? – обреченно спросил Никита, садясь в машину.

– Отмечать твой день рождения! – улыбнулась Аля.

...Суэта вокзала, поезда... Никита шел за Алей, ничего не понимая, и только когда она подвела его к поезду и достала билеты, воскликнул:

– Алька, зачем нам в Питер? Ты с ума сошла!

Но у Али было другое мнение. И к тому же билеты на руках.

Уже в «Сапсане» Никита спросил: а почему Петербург? Аля показала ему язык:

– А почему бы и нет? Ты давно там был?

И Никита, рассудив, что он и впрямь много лет не был

в Петербурге, успокоился. Тем более что все равно день-то «лишний».

...В Петербурге жемчужное небо, ветрено, сыро, Нева еще скована льдом – никакого намека на весну, но почему-то именно в зимнем Питере Аля впервые почувствовала, что весна скоро. Что-то такое уже было в воздухе, уже изо всех сил пробивалось, спешило жить.

Невский бесконечной стрелой, замерзшая Фонтанка с вечной своей подругой Мойкой, рассекающий небо Александрьевский столп с Ангелом – хранителем города, шпиль Петропавловского собора, глухие колодцы петербургских двориков – все мелькало в этом последнем зимнем дне, как в волшебном калейдоскопе.

Набродившись по городу, отогревались кофе и пирожными в очередной уютной кофейне, потом снова кружили по набережным и площадям. Оказалось, что и в один день можно вместить очень много событий, впечатлений, радости.

Ночью в поезде, когда возвращались в Москву, Никита шепнул Але:

– Спасибо, Алька, это лучший день рождения в моей жизни! Ради этого стоило ждать четыре года! Кстати, поздравляю тебя! Зима-то закончилась! Завтра – весна!

Глава 4

Никита нашел двух ярких актеров на мужские роли: Илью – выпускника института кинематографии и Петра – первокурсника театрального училища. Ремонт в студии еще не закончился, но репетировать уже было можно. Работать начали в первых числах марта, договорившись с артистами пока о двух репетициях в неделю.

...Несмотря на то что этого события Аля так долго ждала, особенной радости во время первой репетиции она не ощутила. Оказалось, что Никита (не только к удивлению всех присутствующих, но и к своему собственному) как-то не очень знает, с чего нужно начинать режиссеру. Никита будто оцепенел – он смотрел на актеров, осветителя дядю Колю, звукорежиссера Сергея и молчал. В свою очередь, те растерянно таращились на него. Время шло, из этого молчания ничего не рождалось. Аля переживала за Никиту, но не знала, как его выручить. На помощь неожиданно пришла Ангелина Ткаченко, которая выкрикнула своим хриплым пиратским голосом:

– Ну что застыли как истуканы? Чего ждем? Работаем!

Тут Аля вышла из ступора (спасибо, Ангелина!) и быстро включилась в процесс: стала раздавать указания направо и налево. И вот что странно – все вдруг обрадовались, засуетились и быстро стали выполнять команды, словно сами устали

от своего бездействия. Никита молча наблюдал за происходящим.

После репетиции, видя, что он расстроен, Аля его ободрила:

– Ну что ты, Ник, это же первый раз... Ты привыкнешь, вот увидишь! Все будет хорошо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.